
ИСТОРИЯ НАУКИ

И.В.Тункина

**Н. Я. МАРР И Ф. А. БРАУН:
ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(1920–1925 ГГ.)**

I.V.Tunkina. N.J. Marr and F.A. Braun: A History of Relationships (1920 – 1925).

The history of ethnology and linguistics was enriched by the two outstanding Russian scholars F.A. Braun and N.J. Marr. In early 20s, professor Braun using revolutionary Japhetic theory by academician N.J. Marr tried to take a new view on the problem of the German ethno-genesis. This article focuses on history of relationships between the two colleagues at the turning-point of the modern Russian history. As Marr's doctrine developed, turning more and more aggressive and unsubstantiated within the framework of the traditional linguistics, Braun started distancing from Japhetidology. Severance of relations between the two scholars proved to be inevitable.

В историю этнологии значительный вклад внес профессор Ф. А. Браун, который в начале 1920-х гг. в русле революционной яфетической теории академика Н. Я. Марра пытался по новому взглянуть на проблему этногенеза германцев. Предлагаемый читателю небольшой этюд посвящен истории взаимоотношений двух коллег-лингвистов — Марра и Брауна — в переломную эпоху новейшей истории России. Прежде чем перейти к непосредственной теме статьи, кратко охарактеризую основные достижения русской науки в начале XX в. в изучении «готского периода», наиболее противоречивого и спорного в древней истории Европы.

К началу XX в. завершился процесс сложения концепции истории готских (германских) племен, подкрепленный традицией критических изданий (с текстологическим и историческим анализом) широкого круга античных и византийских письменных источников о готах — участников Великого переселения народов и раннесредневековой истории континента. И в русской, и в зарубежной, особенно немецкой, науке этой теме всегда придавалось особое значение, поскольку геополитические интересы и национальные этнопсихологические установки народов Центральной и Восточной Европы достаточно легко проецировались на события эпохи Великого переселения народов, которые имели и обратную рефлексию — на реалии нового времени.

В отечественной историографии готский вопрос приобрел особое значение в связи с проблемой этногенеза славян. Так, ещё Н. М. Карамзин (1766–1826) выделял готский период в истории Южной России (Карамзин 1989: 37). Позднее Д. И. Иловайский (1832–1920), критикуя норманнскую теорию, пытался объяснить германские заимствования в славянских языках

с точки зрения контактов готов и славян (Иловайский 1882). Славяновед А. С. Будилович (1846–1908) выдвинул гипотезу о готском происхождении слова 'Русь' (Будилович 1897: 118–119), которая сразу же вызвала справедливую критику (Браун 1892: 45–58). В конце XIX–начале XX вв. интенсивно изучались вопросы пребывания готов в Крыму и других регионах Южной России (Арсений 1873: 60–86; Брун 1880: 189–249), а также христианства у готов (Кондраки 1871; Беликов 1887).

Глубокий интерес к гото-славянской проблематике проявляли академики А. А. Куник (1814–1899), В. Г. Васильевский (1838–1899), Ф. И. Успенский (1845–1928), византист Ф. Вестберг, оставившие исследования о «Записке готского топарха» (Васильевский 1912: 297–497; Вестберг 1909: 71–132, 227–286; Успенский 1889: 253–294), а также А. Н. Веселовский (1838–1906), который пытался найти отголоски пребывания готов в Причерноморье в германском и скандинавском эпосе (Веселовский 1889: 1–14; 1900; 1906: 1–190). Еще А. А. Куник выявил следы готского влияния на быт, язык и социальную организацию славян, которые ранее исследователи приписывали норманнам (Куник 1874: 61–160). Эти же идеи затем последовательно развивал профессор Петербургского университета Ф. А. Браун, которому принадлежат самые яркие работы по готской истории в российской историографии.

Федор (Фридрих) Александрович фон Браун (Braun, 1862–1942), историк, филолог-романист, специалист в области сравнительного языкознания, родился в Петербурге в семье врача, немца по национальности, учился в 1-ой Петербургской гимназии, которую закончил в 1881 г. с золотой медалью. Высшее образование Браун

получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1885), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию и на 2,5 года командирован за границу (Германия, Швейцария, Франция, Великобритания). Академическая карьера ученого складывалась успешно. С 1888 г. Браун — лектор немецкого языка и приват-доцент, а после защиты магистерской диссертации по истории западноевропейской литературы (1900) — экстраординарный, с 1907 г. ординарный, с 1913 г. заслуженный ординарный профессор кафедры истории западноевропейской литературы (романо-германской филологии) Петербургского Петроградского университета, где он вплоть до 1920 г. занимал административные посты секретаря (1900) и декана (1908–1910, 1912–1920) историко-филологического факультета, проректора университета (1906–1908) (Юбилей проф. Ф. А. Брауна 1913: 785; Биографический словарь 1896: 90–91). Браун преподавал также историю всеобщей литературы на Высших женских (Бестужевских) курсах, в 1918 г. стал ректором Педагогического института (бывшего Петербургского историко-филологического). Он являлся действительным членом Русского археологического общества (1892), с 1906 г. председателем Неофилологического общества при университете, с 1919 г. членом Совета и председателем Комиссии по исторической географии Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Научные заслуги Брауна были по достоинству оценены его коллегами — он был избран иностранным членом-корреспондентом Шведской Академии (1920).

В марте 1920 г. Браун, страдавший болезнью горла, уехал в заграничную командировку под предлогом знакомства с новейшей научной литературой, и принял предложение Лейпцигского университета прочесть курс лекций по германским древностям, но в Россию не вернулся (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. Л. 42–42 об. — *curriculum vitae*, 1921, автограф Брауна). В эмиграции он был удостоен степени почетного доктора философии Лейпцигского университета (1921), где читал лекции в качестве приват-доцента (1920–1922), почетного ординарного профессора (1922–1927), с 1927 г. экстраординарного профессора кафедры истории Восточной Европы. В 1920-х гг. Браун сильно бедствовал, подрабатывал в издательстве Гржебина, был редактором научного отдела берлинского научно-художественного журнала «Беседа» (1923–1925), выходившего под редакцией М. Горького. 15 января 1927 г. по представлению академиков С. Ф. Платонова, И. Ю. Крачковского и С. Ф. Ольденбурга эмигрант был избран членом-корреспондентом АН СССР по разряду исторических наук (история) еще по старому, дореволюционному академическому уставу (Платонов, Крачковский, Ольденбург 1927: 1517–1520; Персональный состав АН СССР 1974:

390). Несмотря на откровенный нажим на административное руководство АН СССР со стороны советских властей с требованием исключить ученых-эмигрантов из АН СССР, по архивной справке от 26 ноября 1935 г. Браун числился в печатных списках членов Академии наук вплоть до 1930 г., и официального постановления об его исключении из АН СССР принято так и не было (ПФА РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 146. Л. 38).

Интерес к истории готов проявился еще на заре научной деятельности этого выдающегося учёного, получившего в Петербургском университете блестящую историко-филологическую подготовку у И. Н. Минаева (санскрит и сравнительное языкознание), И. В. Ягича (славянская филология), А. Н. Веселовского (общее и историческое языкознание, в том числе в области германских языков). Академик А. Н. Веселовского Браун считал своим главным учителем. В 1885–1887 гг. обозначился круг тех вопросов в области исторической лингвистики, которым он посвятил большую часть своих работ, касавшихся древностей в широком понимании этого слова. Браун обратил внимание на нерешенность ключевых вопросов истории контактов славянского и германского миров.

Первой крупной работой Брауна стало исследование в области исторической этнологии — о готах в Крыму (Braun 1890). Летом 1890 г. ученый посетил поселения последних потомков готов на побережье Азовского моря (Браун 1891: 78–92) и по поручению Императорской Археологической комиссии провел археологические раскопки в Крыму «с целью отыскания там следов готских поселений» (Мангуп, Суюрень, Биясала, Партенит). Однако из-за недостатка времени он в течение 28 дней провел раскопки только в развалинах «столицы готских конунгов» на Мангупе, в Симферопольском уезде Таврической губ. (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1890. Д. 40. Л. 2–4: записка приват-доцента Имп. Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна о раскопках на Мангупе; ОАК за 1890 г. 1893: 15–21). Упоминание в найденной им девятистрочной надписи крепости Феодоро, по мнению Брауна, подтверждало локализацию последней на Мангупе (ОАК за 1890 г. 1893: 20).

Являясь в первую очередь лингвистом, Ф. А. Браун пытался отыскать отголоски готского языка в языке крымских татар, однако его поиск не принёс обнадеживающих результатов, а исследования учёного в этом направлении вызвали серьёзную критику со стороны востоковедов-тюркологов, в частности В. Д. Смирнова (Орбели 1986: 148–149). Проблеме гото-славянских контактов была посвящена магистерская диссертация Брауна — «Разыскания в области гото-славянских отношений». В свет вышел только первый том, посвящённый периоду пребывания готов на Висле, хотя в монографии затронуты и более поздние этапы истории германских племён (Браун 1899; рецензии: Диссер-

тация о готах 1899: 376–377; Веселовский 1900: 1–35; Кулаковский 1901а: 500–527; 1901б: 262–269; ответ на рецензии: Браун 1901: 218–238). Предполагалось, что за первым томом последуют ещё два, в которых будут рассмотрены вопросы, касающиеся «готского периода» в жизни славянства вообще и восточного в частности. Несмотря на незавершённость, фундаментальная работа Ф. А. Брауна по прошествии сотен лет представляет научную ценность.

От продолжения этого исследования Браун отвлекло поручение, данное в 1900 г. Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) Петербургской АН — разработать подробный план критического издания корпуса всех памятников скандинавской письменности, относящихся к России и Востоку. Проработав весь материал исландских саг, Браун пришел к выводу, что критическое издание всех саг, относящихся к России и содержащих данные о ней, «не представляется необходимым», и что вполне достаточно издать лишь некоторые из них, построенные исключительно «на русских мотивах», из остальных же подвергнуть подробному критическому разбору только «русские эпизоды». Браун трижды побывал в Швеции и исследовал там 82 рунических надписи, издал в «Известиях Императорской Археологической комиссии» шведскую руническую надпись, найденную в 1905 г. Э. Р. фон Штерном на о. Березань. Весь собранный материал о сагах и рунических надписях он представил Академии наук, однако его напечатать не удалось. Издание было начато в 1911 г. с рунических памятников (набраны два первых листа текста, изготовлены клише для первого тома), однако начавшаяся Первая мировая война перечеркнула планы издания.

К теме германо-славянских контактов Ф.А.Браун вернулся лишь в 1920-х гг. в Лейпциге. После Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны из России были вынуждены эмигрировать многие представители «старой» генерации ученых, занимавшихся историей готам, в частности, по характеристике Н.Я.Марра, «тонкий лингвист-индоевропеист» Ф.А.Браун (Миханкова 1949: 315). Интереснейшую информацию о его научной деятельности в эмиграции сохранили личные письма к коллегам-ученым, оставшимся в Советской России.

Ф. А. Браун покинул Россию в 1920 г. О причинах своего отъезда он откровенно писал академику Ф. И. Щербатскому, известному индологу и буддологу, во время пребывания последнего в заграничной командировке в Швеции: «Мало приходит вестей из России, а тоска по близким людям и родным местам растёт, несмотря на привольное житьё здесь по сравнению с жизнью в Питере. Страшно за друзей, оставшихся там; хотелось бы знать о них подробнее. [...] Я живу здесь скромно и тихо, много работаю, собираюсь напечатать брошюрку о происхождении германцев и читаю лекции по

германской филологии (... «реалиям») в качестве приват-доцента. Здешний университет отнесся ко мне чрезвычайно мило и предупредительно, инициатива моей «Habilitation» исходила от факультета. Но связывать себя я не хочу, так как при первой возможности все же вернусь «домой». Когда это будет — не знаю. Хочется поработать — и работается очень хорошо. Первая и главная причина того, что я здесь остался пока, все же не это, а состояние моего здоровья, в частности *горла*, которое пришло в отчаянное состояние вследствие условий жизни в Питере прошлой зимой. Сказалось чахоточное наследие. Я энергично лечился прошлым летом, но врачи категорически запретили мне возвращение и потребовали повторного лечения нынче летом. В данный момент чувствую себя недурно, но от времени ко времени все же повторяются ларингиты с сильным подъёмом температуры. Как раз на днях я снова пролежал неделю, — встал только третьего дня. Острой опасности нет (мне ведь уже 58 лет), но крайняя осторожность обязательна. Что будет дальше — не знаю. Пока об этом не думаю. Хлеб на себя и на семью зарабатываю тем, что состою научным сотрудником издательства Гржебина и руковожу печатанием его изданий в Лейпциге» (письмо из Лейпцига в Упсалу (Швеция) от 24 марта 1921 г. — ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 2–2 об., 4–4 об.).

Тем не менее о возможности возвращения на родину Браун все же размышлял: «Вопрос о возвращении домой — трудный, тяжелый вопрос... Я, конечно, понимаю, что, оставаясь здесь, мы ухудшаем положение оставшихся там, — хотя все эти оставшиеся (Карсавин, Жебелёв, Петров) пишут мне в один голос, чтобы я никоим образом не возвращался, так как помочь им не смогу, и только сам погибну. Но стыдно оставаться тут, когда близкие, с которыми делил всю жизнь все радости и горести, бьются там как рыба об лед и ведут безнадежную борьбу. Да и тоска растёт с каждым днем. С другой стороны — я с осени уехать не могу: надо долечить горло — это все предлог! оно у меня в силу наследственности и последних лет в крайне скверном состоянии... Наконец, уж очень хорошо здесь работается, и стосковался я по работе отчаянно. Хотелось бы хоть что-нибудь сделать. Ничего не предпринимая, я должен отложить окончательное решение до осени. Стараюсь не терять связь, чтобы иметь возможность вернуться, как только смогу» (письмо из Лейпцига в Берлин от 8 апреля 1921 г. — ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 5 об.—7).

В начале 1920-х годов Браун являлся сторонником и активнейшим пропагандистом за рубежом яфетической теории своего друга, председателя РАИМК академика Н. Я. Марра. Николай Яковлевич Марр (1864/1865–1934), автор более чем 500 научных работ, в эпоху специализации гуманитарных наук по праву слыл за

энциклопедиста. Ученик основателя новой отечественной школы востоковедов барона В.Р.Розена (1849–1908), он являлся не только кавказоведом, лингвистом-полиглотом, специалистом в области сравнительно-исторического языкознания и создателем «нового учения о языке», но и археологом, автором работ в области агиографии. Сначала магистр (1899), затем доктор (1902) восточной словесности, вскоре избранный адъюнктом (1909) и ординарным академиком (1912) Петербургской АН по истории и литературе азиатских народов, Марр являлся членом-сотрудником (1889), затем действительным членом (1900) Русского археологического общества, многих русских и зарубежных научных обществ, академий, университетов и пр. Сын ученого-садовода, родившийся в Кутаиси, как и Браун, он закончил Петербургский университет (1888), но по другому факультету (восточных языков), совершенствовал знания в Германии и Италии (1894–1896), затем служил приват-доцентом (с 1891 г.), экстраординарным (с 1900 г.), ординарным (с 1902 г.) профессором, деканом факультета восточных языков (1911–1918) Петербургского-Петроградского университета. Марр являлся руководителем археологической экспедиции по изучению древнеармянской столицы Ани в Восточной Турции (1892–1893, 1904–1917), после Октября 1917 г. стал председателем Российской государственной археологической комиссии (1918–1919), создателем и с 1919 г. до своей смерти (с перерывами) председателем РАИМК-ГАИМК, создателем и директором Яфетического института (1921–1934), директором Государственной Публичной библиотеки (1924–1930), членом Президиума Центрального бюро краеведения, а в конце жизни был избран вице-президентом АН СССР (1930–1934).

На мой взгляд, *адекватно* оценить личность Марра, его научно-организационную и сугубо научную деятельность в различных гуманитарных дисциплинах, его положительное и отрицательное влияние на научный процесс, не удалось ни одному из его биографов — видимо, не пришло еще время, и не родился еще такой же ученый-энциклопедист, каким был сам Николай Яковлевич. О феномене Марра и судьбе его «нового учения о языке» повествует интересное, но на мой взгляд, слишком одностороннее исследование (Алпатов 1991), к сожалению, полностью игнорирующее богатейшие личные архивы Марра и его коллег по Академии наук.

Браун и Марр активно сотрудничали в 1920–1925 гг., о чем красноречиво свидетельствует их переписка, но уже в 1925 г. их дороги разошлись навсегда (Миханкова 1949: 314–335). В панегирической монографии Миханковой о Марре процитирован ряд писем Марра Брауну, хранящихся в личном фонде Николая Яковлевича, однако сохранившиеся в том же архиве ответные письма Брауна практически не использо-

ваны (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. 43 письма за 1920–1925 гг. на 74 листах). Переписка двух ученых, безусловно, заслуживает самостоятельной и полной публикации.

В начале 1920-х гг. Марр считал, что яфетиды являлись первоначальным населением всего Средиземноморья, позднее скрещенным с индоевропейцами, семитами и другими народами. Распространение яфетических языков он связывал с этническими миграциями, которым он до 1923 г. придавал огромное значение (Алпатов 1991: 26). Находясь в первой после революции заграничной командировке, Николай Яковлевич больше месяца осенью 1920 г. провел в Лейпциге и убедил Брауна в верности яфетидологии, о чем последний сам сообщил своему ученику, акад. Ф. И. Щербатскому в письме от 24 марта 1921 г. из Лейпцига в Упсалу (Швеция): «Н. Я. Марр прожил у меня здесь с середины октября до начала декабря, потом уехал во Флоренцию к этрусканам, откуда (в январе) перебрался в Байонау к баскам. Закончив там работу, он собирался в обратный путь (в Тифлис, через Марсель-Батум), но заехал в Париж вследствие политических условий — занятия Грузии большевиками — и теперь сидит там в ожидании выяснения положения.... Мы с ним затеяли большое научно-литературное предприятие по яфетическому вопросу, собираемся издать серию «Japhetische Studien» и т. д. — но об этом в другой раз. [...] Суть в том, что Марровскую теорию я проверил, насколько мог, в длительных ежедневных беседах, когда он был тут. Он несомненно сильно увлекается, как все «Pfadfinder» (первооткрыватель. (нем.) — И. Т.), но по существу он прав, и в частности его выводы (скорее — открытия) относительно баскского и этрускского, а стало быть и пелазгского, паразитичны. А они имели для меня решающее значение. Отмечу, что эти идеи ведь не новы. Относительно этрусков связь с кавказскими языками утверждал уже 25 лет тому назад никто иной, как V. Thomsen, — несомненно ведь один из крупнейших лингвистов и в смысле метода — авторитет. О басках тоже в 1909 г. уже почти доказал Н. Er(m)ler. Но ни тот, ни другой не могли подвести под свои утверждения такой широкий и крепкий фундамент, как Марр. Я глубоко верю в его правоту; а так как его выводы идут навстречу тому, чему я давно учил своих студентов (о доиндоевропейском населении Европы) в виде гипотезы, то я с жаром ухватился за этот материал. В результате — моя гипотеза о происхождении германцев и tout ce qui s'en suit (все что за этим следует (франц.). — И. Т.).

Вы прочтете об этом всем в моей брошюре, которая, надеюсь, выйдет в течение месяца. А наши Japhet(itische) Studien хотят только развернуть всю проблему и дать необходимый материал для ее проверки. Вы, я думаю, правы: если Марр не был так одинок, то работа его шла бы нормальнее и лучше. Быть может, я

смогу помочь. Что я знаю, что такое лингвистический метод, — в самом ортодоксальном смысле, — это Вам известно, хотя бы по моим давним лекциям, которые Вы слушали.

У Марра один большой недостаток, который *очень* ему вредит: он совсем не умеет говорить, и еще меньше — писать, т. е. спокойно и убедительно доказывать что-либо, нанизывая аргумент на аргумент. Но это устранимо. Винават его «темперамент», над которым мы так часто смеялись. Для успеха его теории это — трагическое обстоятельство, но сути дела это не затрагивает. Подошедши ближе и всмотревшись, я вижу, что путь верен и метод хорош. А это пока все, что нужно» (ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 2, 7–7 об.).

В 1920-е гг. Браун много работал в области антропологии, этнологии и доисторической археологии, готовил к изданию большое исследование о древнейшей географической номенклатуре Европы (реки и горы), читал в Лейпцигском университете лекции по исторической ономастике и топонимике Германии (Миханкова 1949: 315), а также курсы по германским древностям, русской истории, языку и литературе, издал ряд монографий по истории взаимосвязей древней Руси с германскими племенами: «Das historische Russland in nordischen Schriften des X–XIV Jahrhunderts», «Russland und Deutschen in alter Zeit», «Заимствованные слова», «Варяги на Руси».

Браун попытался интерпретировать теорию Марра в строго научном русле, представляя яфетические языки как субстрат для индоевропейских. В 1922 г. в Штуттгарте он опубликовал переработанный в брошюру доклад о первобытном населении Европы — «Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» (Braun 1922), ставшую первым выпуском в серии «Japhetische Studien für Sprache und Kultur Eurasiens», издание которой остановилось на 2-м выпуске книгой Марра (Bd 1–2. 1922–1923). Основной задачей языкознания Браун считал выяснение характера языка или языков доиндоевропейских обитателей Европы — их фонетики, морфологии и лексики (Миханкова 1949: 315). Ученый полагал, что яфетидология способна вывести индоевропеистику из тупика, в который она попала. В этой брошюре Браун попытался применить лингвистическую теорию Марра к проблеме происхождения германцев и доиндоевропейского населения Европы. Неразъясненные элементы немецкого языка, по мысли Брауна — вклад тех доиндоевропейских языков, которые индоевропейцы, пришедшие со своей прародины, застали в занятых ими областях.

Эта публикация вызвала неоднозначную оценку в научных кругах как в России, так и в Западной Европе, о чем Ф. И. Щербатской сообщал неперемому секретарю РАН, индологу акад. С. Ф. Ольденбургу: «Марр столкнулся

с Брауном и убедил его, это первая его большая победа, и я ужасно рад. Meiller продолжает относиться совсем отрицательно. Вместе с Брауном Марр будет издавать «Jafetische Studien». Сам Браун строит на новых данных, в связи с яфетической теорией, новую гипотезу о происхождении германцев!!» (письмо от 21 апреля 1921 г., из Берлина); «Насчет перехода Брауна в лагерь яфетидологов все пожимают плечами... Случаи такого падения в область фантазий в истории лингвистики бывали. Вообще (результаты) Брауна, взятые из антропологии и археологии — эта часть встречает сочувствие у специалистов, лингвисты же все относятся резко отрицательно» (письмо из Берлина от 16 ноября 1922 г.— ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Л. 60, 87 об.).

Появление первой книги Брауна, написанной в русле яфетидологии, произвело эффект разорвавшейся бомбы: «Со всех сторон получаю письма по поводу книжки, — сообщал Браун Щербатскому в Лодон 22 апреля 1922 г., — (отклики) прямо сочувственные и одобряющие, другие — с оговорками и сомнениями, но все без исключения — сильно заинтересованные и задетые за живое; иначе говоря — главная цель достигнута и яфетическая теория вошла, наконец, в оборот западно-европейской научной мысли. За дальнейшее мне не страшно. Я боялся только, что книжку «замолчат»; эти опасения миновали. На прошлой неделе на археологическом съезде в Брауншвейге (я ездил туда на один день) был доклад Шухардта (археолога, директора Берлинского музея) специально об этом, — доклад несколько легкомысленный, правда, — доказывавший, что археологический материал превосходно подтверждает мои построения относительно германцев! Вывод был настолько неожидан, что я усомнился в его правильности и во время дискуссии откровенно, к удивлению собрания, высказал эти сомнения. Вышел курьез, но ничего не поделаешь: amicus Plato и т. д. (amicus Plato, sed magis amica veritas, т. е. Платон — друг, но истина — больший друг (лат.). — И. Т.). Теперь готовлю перевод Марровского «Яфетического Кавказа» (Marр 1923. — И. Т.). Отчаянно трудно; я решил совсем переделать его стилистически, иначе это будет удар по воде» (ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 9 об.). Проблему этногенеза германцев с точки зрения не лингвистики, а археологии и этнологии, Браун затронул в опубликованной на русском языке популярной книге «Первобытное население Европы» (Браун 1923).

При содействии и в переводе Брауна Марр издал своё исследование по яфетидологии Кавказа на немецком языке (Marр N. 1923). В ранних письмах Браун обращается к Марру официально как Николай Яковлевич, но очень скоро их тон становится все более теплым и дружественным, послания начинаются со слов приветствия — «дорогой яфетид», «дорогой брат»,

«дорогой брат яфетид», «родной мой» (1922). Но уже с марта 1923 г. в письмах Брауна Марру появляются нотки раздражения, которые постепенно усиливаются. Последнее письмо Брауна с решительным отказом участвовать в издании 3-го выпуска «Яфетических исследований», планировавшихся как сборник статей учеников и последователей Марра, датировано 27 марта 1925 г. (см. ниже).

Причина разрыва между двумя учеными банальна: Браун убеждал коллегу оставаться строго в рамках науки и заниматься *доказательством* родства яфетических языков, но Марр не мог остановиться — круг яфетических языков со временем становился все шире, а время существования яфетической семьи отодвигалось все дальше вглубь тысячелетий (Алпатов 1991: 31). Председатель РАИМК упрекал Брауна в излишнем упрощении решения проблемы доиндоевропейского населения Европы, которая «не может быть низведена до такой простоты», Браун, напротив, ставил коллеге на вид сложность и недоступность для читателя языка и содержания публикуемых книг по яфетидологии. Он убеждал Марра в необходимости опубликовать сначала очерк яфетической методологии и сравнительную грамматику яфетических языков, прежде чем продолжить издание серии «Japhetische Studien», но не встретил понимания.

Привожу фрагменты последнего дошедшего до нас письма Брауна Марру из Лейпцига от 27 марта 1925 г., формулирующего научное и педагогическое *credo* ученого и его отношение к яфетидологии. На мой взгляд, комментарии к этому поразительный по эмоциональному накалу документ не требуют.

«Ты не отдаешь себе отчета в том, что для меня связано с яфетидологией, — сколько надежд, какой прилив рабочей энергии. Правда, я давно убедился в том, что яфетидологом в полном смысле слова мне уже не стать... Но я хотел посильно помочь ей, защищать ее от нападок со стороны, расчистить ее суть, насколько это в моих силах, установить связь с индоевропейстикой, применить ее выводы к решению тех вопросов, — общих и частных, — которые относятся к моей специальности. И не думай, что я в ней разочаровался. *Наоборот!* Чем больше я вдумываюсь, тем мне становится яснее, как велика ее ценность и значение. Поставленная правильно, она вывела бы языкознание и историческую этнологию из тупика, в котором они оказались и в котором задыхаются.

Но — она поставлена *неправильно*, и это ее трагедия. И я считаю своим научным и братским долгом сказать тебе это, пока еще не поздно. Я уже много раз писал тебе об этом по отношению к частным вопросам... Но хотелось бы еще раз подвести некоторые итоги, сконцентрировать доводы, чтобы убедить тебя в том, что ты губишь дело, созданное тобой. Ты под-

нимаешься все выше и выше, ты строишь пятый этаж, не укрепив второго и тем делаешь здание необитаемым, подрываешь доверие к нему, приводишь к тому, что все сторонятся его, боясь, в случае крушения, попасть под его обломки. Крушения не будет, я в этом уверен, но если ты не изменишь приемы своего строительства, то яфетидология так и останется блестящим построением, снаружи привлекательным для некоторых, ненадежным для большинства и — никому недоступным, а потому *ненужным*.

Я буду откровенен до грубости, и ты, если можешь, прости, потому что не упрекать тебя я собираюсь, а хочу лишь передать свою точку зрения и обратить твоё внимание на то, чего ты в своем эгоистическом творческом порыве не замечаешь, мчась вперед без оглядки.

Твои статьи все — ряд блестящих афоризмов, которые, *быть может*, правильны, а быть может и нет. Афоризм, однако, не есть научный вывод. Ты всегда только *утверждаешь*, иногда иллюстрируешь свой тезис несколькими примерами, но не *доказываешь*. Доказательства у тебя где-то есть, но ты их не приводишь, и ты сердишься, когда тебе не верят, — забывая, что твои читатели *не имеют права* верить тебе без проверки. Выходит, словно ты сознательно скрываешь свои доказательства, — быть может из высокомерия: ты лично удовлетворен, раскрыв истину, а до других тебе дела нет, — пусть ищут сами. Много раз и с разных сторон тебе ставили вопрос: где доказательства? Враги твои говорят, что у тебя их вообще нет. Что им на это сказать? Ответить твоими словами, что доказательства там, в книгах и статьях Марра, которые насчитываются сотнями и разбросаны по десяткам изданий, редко кому доступным? Да еще на русском языке? Да еще не сведены в систему? Да еще противоречат друг другу, потому что в момент появления новой работы предшествующая уже устарела. Это всегда и во всех науках так. Во всех есть же известные основные положения, на которых строятся все остальные. Где их найти?

Весь трагизм яфетидологии в том, что ты ставишь своих читателей перед бесформенной грудой материала и говоришь им: поройтесь, там все есть! И не даешь им даже ключа к твоим иероглифам, не даешь даже, в доступной форме, ключа к твоей транскрипции, к условным знакам, к своеобразной и сложной яфетидологической терминологии, не говоря уже обо всем прочем. Ты говоришь: не умею и не хочу писать для пригостишек. Но ты забываешь, что и Ньютон, и Дарвин были когда-то пригостишками, и сделались они великими учеными только потому, что нашлись более знающие, чем они, которые помогли им учиться. Понимаю, что это очень скучно — спуститься с пятого этажа и объяснять неучам, из каких камней сложен фундамент, и почему сложен именно так, а не иначе. Я охотно снял бы с тебя эту обязанность,

переложил бы ее с твоих плеч на чужие, более молодые и менее обремененные. Но что же делать, если таких плеч нет? Боюсь, что и все твои ближайшие ученики заражены уже твоим «высокомерием» — прости мое это слово! — и что дело наше погибает, да, да, погибает, если ты не пересилишь себя, не спустишься с верхних этажей и не пожертвуешь частью своего времени, чтобы написать — яфетидологический букварь. Никто не сможет сделать этого с таким авторитетом, как ты, и ты один можешь спасти свое дело.

Когда мы с тобой затеяли «Japhetitische Studien», план был ясен, и мы до известной степени обязались выполнить его в смысле постепенного раскрытия яфетидологической системы. Первый выпуск, мою книжку, сильно обругали (Braun 1922. — И. Т.); но читать эти рецензии было весело: чувствовалось, что книжка многих задела за живое. И кое-кого она серьезно заинтересовала. Было немало запросов, все ждали дальнейшего, ждали доказательств, обоснования; так мне и писали с разных сторон. Вместо этого мы выпустили твою книгу (Marr 1923. — И. Т.): я вижу теперь, что это было *ошибкой*, как она ни интересна сама по себе. Она вызвала только недоумение и разочарование, которое сквозило и иногда откровенно высказывалось в письмах друзей... Опять общая ориентация без доказательств? И даже ругать ее не стали, — молча прошли мимо. Не появилось ни одной рецензии, продано — 95 экземпляров.

Если мы напечатаем теперь такую же третью книгу, да еще не цельную по замыслу, а сборник статей, то это будет не только ударом по воде и совершенно бесполезной затратой времени, труда и денег, но прямым *вредом* для дела: мы вызовем только протест у наших друзей, и насмешку у врагов [...].

Нет, этого не должно быть, уже потому, что поправить этот вред было бы очень трудно. Я много думал об этом, очень долго, как видишь, колебался. Но теперь мой вывод непоколебим: третий выпуск «Japhetitische Studien» такого типа скомпрометирует наше дело, а потому его быть не должно. Я верну вам все материалы, раз ты говоришь, что можешь и хочешь напечатать в другом месте. Это дело Яфетического института и твое. Но ты позволишь мне высказать мое мнение и по этому вопросу? Я считаю себя вправе высказать его, потому что ведь и я тоже, кажется, член института, и мое имя так же экспонировано, как и твое: по моему глубокому искреннему убеждению надо приостановить

«Japhetitische Studien» и «Яфетический сборник», пока не будет издано хотя бы краткое руководство, которое дает возможность читателям понимать их. Для этого вовсе не нужно знания десятков яфетических языков, но необходимо по крайней мере представление об общем строе их, о их группировке и основаниях её; нужен очерк яфетической методологии, о которой ты так часто говоришь (как бы я хотел помочь тебе в этом, если бы у меня было знание материала, как у тебя!), и — если возможно — нужен хотя бы краткий очерк сравнительной грамматики яфетических языков, с объяснением транскрипции и терминологии. Ты увидел бы, как оживала бы тогда яфетидология, как быстро заняла бы в науке подобающее ей место, как занялись бы многие, многие изучением отдельных языков...» (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. Л. 73–74 об. — окончание письма в деле отсутствует).

Как следует из этого эмоционального, горького письма, по мере развития марровского учения, делавшегося все более агрессивным и бездоказательным по отношению к традиционной лингвистике, яфетидология все более и более смущала Брауна, поэтому разрыв между коллегами оказался неизбежен. Если Браун считал яфетическую теорию колыбелью нового языкознания, воплощением мирной эволюции тенденций, наметившихся в традиционной индоевропеистике, то Марр ставил перед собой принципиально иную задачу: он стремился не к спасению «обреченной индоевропеистики», а к ее полному разгрому. Вскоре в СССР Браун был обвинен в «буржуазном примиренчестве», совмещении несовместимого — яфетической теории и индоевропеистики, эклектизме, стремлении «омолодить отжившие традиции» и т. п. (Миханкова 1949: 317, 337).

Со временем активная административная деятельность, направленная на спасение и выживание науки в новых политических условиях (достаточно сказать, что Академия наук СССР в 1928–1929 гг. не была закрыта только благодаря пламенным выступлениям Марра перед партийным и советским руководством страны), душевная болезнь и последовавшая за ней смерть Марра не оставили шансов на создание даже элементарного курса по яфетидологии, а ее многочисленные апологеты в СССР эту задачу были выполнить не в силах. На мой взгляд, во многом из-за особенностей психологического склада личности своего создателя и обстоятельств того времени яфетидология как научная теория объективно была обречена на смерть.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М.
- Арсений. 1873. Готская епархия в Крыму // ЖМНП. № 1.
- Беликов Д. Н. 1887. Христианство у готов. Казань. Биографический словарь. 1896. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869–1894. СПб. Т. 1 (краткая автобиография).
- Браун Ф. А. 1891. Мариупольские греки // Живая старина за 1890 г. СПб. Вып. 2.
- Браун Ф. А. 1892. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия 'Русь' // Записки Неофилологического общества при Имп. Санкт-Петербургском университете. Вып. 2. № 1.
- Браун Ф. А. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. СПб. Вып. 1: Первый период. Готы на Висле (Сб. ОРЯС. Т. 64. № 12).
- Браун Ф. А. 1901. Ответ проф. Ю. А. Кулаковскому // ЖМНП. № 3. Отд. 2.
- Браун Ф. А. 1923. Первобытное население Европы. Берлин.
- Брун Ф. К. 1880. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России // Черноморье. Одесса. Ч. 2.
- Будилович А. С. 1897. К вопросу о происхождении слова Русь // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 г. СПб. Т. 4.
- Васильевский В. Г. 1912. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб. Т. 2.
- Веселовский А. Н. 1889. Славяно-германские отрывки // ЖМНП. № 7. Отд. 2.
- Веселовский А. Н. 1900. Из истории древних германских и славянских передвижений // ИОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 1. Отд. отт.: СПб.
- Веселовский А. Н. 1906. Русские вильтины в саре о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС АН. Т. 11. Кн. 3.
- Вестберг Ф. 1909. Записка готского топарха // ВВ. Т. 15. Вып. 1–2.
- Диссертация о готах. 1899 // Археологические известия и заметки. № 11–12 (сообщение о магистерском диспуте).
- Иловайский Д. И. 1882. Разыскания о начале Руси. М.
- Карамзин Н. М. 1989. История государства Российского. М. Т. 1.
- Кондараки В. Х. 1871. Христианство в Тавриде. Одесса.
- Кулаковский Ю. А. 1901а. (Рецензия на кн.: Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1897) // ЖМНП. № 2. Отд. 2.
- Кулаковский Ю. А. 1901б. Несколько слов по поводу ответа проф. Ф. А. Брауна // ЖМНП. № 5.
- Куник А. А. 1874. О записке Готского топарха. (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских готах) // Записки Имп. АН. Т. 24. Отд. отт.: СПб.
- Миханкова В. А. 1949. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л. ОАК за 1890 г. 1893. СПб.
- Орбели И. А. 1986. Воспоминания студенческих лет // Юзбашян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М.
- Персональный состав АН СССР. 1974. М. Т. 2.
- Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю., Ольденбург С. Ф. 1927. Записка об ученых трудах профессора Ф. А. Брауна // Известия АН СССР. 6 серия. № 18.
- Успенский Ф. И. 1889. Византийские владения на северном берегу Черного моря в 9 и 10 вв. // Киевская старина. Т. 25. № 5–6. Отд. отт.: Киев.
- Юбилей проф. Ф. А. Брауна. 1913. // Исторический вестник. № 11.
- Braun F. 1890. Die letzten Schicksale der Krimgoten. SPb.
- Braun F. 1922. Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. Stuttgart. (Japhetische Studien. Bd 1).
- Marr N. 1923. Der japhetische Kaukasus, und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur. Leipzig. (Japhetische Studien. Bd 2).